

АЛЕКСЕЕВ В.В.

Член-корреспондент РАН

Екатеринбург

ОСВОЕНИЕ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ ВОСТОКА РОССИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

История России в значительной мере — это история колонизации, история покорения обширных пространств северо-востока Евразии. Этот процесс, историческая скорость которого поистине беспрецедентна (за 50 лет русские преодолели гигантское расстояние от Урала до Тихого океана), необходимо связывать с двумя обстоятельствами, определившими специфику взаимоотношений русского этноса с новыми территориями. Во-первых, параллельно с разворачиванием процесса освоения новых территорий, в России шло становление устойчивой государственно-политической формы — сначала самодержавной, затем имперской. Эти процессы были диалектически взаимосвязаны, и территориальное расширение накладывало глубокий отпечаток на характер Российской, а затем и Советской империи как особого образа правления и столь же специфического способа экономической эксплуатации территорий. Во-вторых, на огромных просторах Евразии, где разворачивалась русская экспансия, ее авангард сталкивался с безгосударственным хаосом мелких племен и не встретил сколько-нибудь сложившихся эффективных форм экономики, кроме маргинальной деятельности аборигенных охотников и собирателей.

Отсюда возникал чрезвычайно редкий исторический феномен, когда развивающее свою властно-политическую мощь государство выступало в качестве своеобразного демиурга; то есть могло создавать экономику фактически с «чистого листа» и в этой своей свободе могло достаточно произвольно варьировать те социальные формы, в которых протекало освоение территории. С этим, в частности, современные российские историки связывают и ограниченность предпринятой Петром I модернизации России, которая опиралась на архаичные социальные механизмы и тем самым заблокировала дальнейший экономический прогресс страны.

Даже трансплантированная на русскую почву принципиально новая индустриальная форма производства по мере ослабления государства по мере волевого начала архаизироваться и возвращаться к исторически предшествующим способам — завоевательным, грубо-экспроприатор-

ским — мобилизации и использования природных богатств. Можно сказать, что созданная столь искусственным путем индустрия постепенно теряла глубину воздействия на вводимые в оборот ресурсы и могла расти лишь чисто экстенсивно.

Безусловно, на определенной стадии уникальное ресурсное богатство в сочетании с архаичными формами социального принуждения давало громадные преимущества. С этим можно, в частности, связывать взлет уральской черной и цветной металлургии в XVIII в., которая до наступления новой волны технико-технологического прогресса могла удерживать монополию, низких цен за счет уникального сочетания природно-ресурсных и социальных факторов. В течение XVIII в. здесь было построено около 200 горных предприятий, преимущественно по добыче железной руды и ее переработке в чугуны и железо. За счет Урала Россия в конце века по производству черных металлов вышла на первое место в мире. Урал давал 4/5 российского чугуна и 9/10 российской меди. Уральское железо экспортировалось во многие страны Европы и в США.

Подобные локальные индустриальные анклавы в известном роде оказываются индифферентными к факторам конкуренции и нормального экономического расчета, а их уникальность должна серьезно поддерживаться самыми расточительными средствами. Например, еще в конце XIX в. высококачественное уральское железо, производимое из древесноугольного чугуна, снабжало зарубежные рынки избирательных направлений (например, автомобильную промышленность Америки) и в силу уникальности своего продукта не знало в этом отношении конкуренции. Но как только были внедрены более дешевые способы fabrication автомобильного листа, а уникальными свойствами железа можно было пожертвовать, западноевропейское и собственное американское железо стали повсеместно вытеснять экзотический уральский продукт, особые качества которого обеспечивались за счет варварского сведения лесных площадей.

В условиях параллельного развития в России других, более прогрессивных социально-экономических укладов, архаичный, переживший себя способ производства мог продолжать существовать лишь в искусственных условиях, обеспечиваемых сильной государственной властью. С отменой крепостничества была фактически ликвидирована феодальная монополия на трудовые ресурсы, но в значительной объеме была сохранена монополия государства и консервативных социальных групп на

ресурсы экономические в первую очередь, на ресурсы первичные, составляющие материальный базис экономики (леса, земли, минеральные богатства). Отсюда определенные зоны индустриального хозяйства были фактически выведены за рамки естественных конкурентных факторов, действующих в открытой экономической системе. В дореволюционной России за счет резервирования крупных ресурсных источников существовали довольно значительные сектора казенной (государственной) и кабинетской (императорской) промышленности. Не случайно наиболее сильные позиции эти сектора занимали в ресурсно богатейших районах России — на Урале и в Сибири.

Особое значение в данной связи имела добыча драгоценных металлов и камней. В первой половине XIX века один Алтайский горный округ получал серебра больше, чем Англия, Франция, Швейцария, Пруссия и Бельгия вместе взятые. На смену «серебряному» веку пришел «золотой». В середине XIX в. среднегодовая добыча золота в Сибири достигла 25 тонн. К концу века она составляла 90% российского золота. При этом надо учесть, что на долю России приходилось 10,6% его мировой добычи. Следовательно, Сибирь играла крупную роль в этом деле даже по мировым стандартам. На втором месте по получению благородного металла стоял Урал. Зато он был на первом месте по добыче платины, не только в России, но и в мире. В начале XX в. из его недр извлекали 95% мировой добычи платины. Остальные 5% приходились на долю Колумбии, Канады, США и Южной Африки.

Роль производств, культивировавшихся правительством в рамках государственной ресурсной монополии, не может рассматриваться исключительно негативно; она противоречива в самих своих исторических посылках. Безусловно, с общеэкономической точки зрения, эта монополия вызывала такое перераспределение ресурсов в системе, которое значительно тормозило развитие производительного частнопромышленного сектора, сужало его экономическое пространство. С другой же стороны, в условиях определенных искусственных преференций она же позволяла возвращать элементы высочайшей производственной и технической культуры, имевшие общенациональное значение.

Выразительный пример этого дает развитие камнесамоцветной и ювелирно-каменерезной промышленности Среднего Урала. В течение XVIII—XIX вв. наиболее ценные месторождения ювелирных и поделочных камней на Урале находились в монопольной собственности Его (Ее) Импер. Вел. Кабинета, что, по общей оценке, тормозило или загнивало в

нелегальное русло частные старательские и камнерезные промыслы. Хотя и в этой системе имели место отступления от жесткой монополии (частная аренда месторождений), все-таки основные объемы камнесамоцветного сырья циркулировали в замкнутой системе кабинетских гранильных фабрик (прежде всего, Петергофской и местной, Екатеринбургской), работавших на государственных дотациях и поставлявших высокохудожественную продукцию к императорскому дому. В пореформенный период (60-70-е гг. XIX вв.) Екатеринбургская гранильная фабрика, вынужденная перейти на работу в условиях открытого капиталистического рынка, испытала стремительный упадок производства и общую деградацию камнерезного искусства. Сменившая ее отлаженное производство стихия мелких частных камнерезных промыслов так никогда и не смогла уже добиться выпуска такого же уровня и великолепия.

В сущности, по аналогии можно рассматривать и условия функционирования казенного военного сектора в промышленности царской России, а затем и советской оборонной промышленности, создание которых (последней в гораздо большей степени) достигалось за счет искусственной концентрации лучших материальных, научно-технических и интеллектуальных ресурсов нации, выведения их из нормального народнохозяйственного оборота. Положение конверсионных отраслей промышленности уже в период современных рыночных реформ в России показывает, что без специальных мер спасения, в частности, специфических, геополитически формируемых каналов сбыта (рынки вооружений), «шок» вхождения в рыночную стихию повсеместно ведет к распаду и деградации сложных высокотехнологичных производств.

Естественно, что единственными причинами, которые могли оправдывать существование неэффективных, ресурсно-затратных производств, могли быть исключительно особые стратегические приоритеты государства, его имперские интересы, приобретавшие самодовлеющее значение. С этой точки зрения, в экономических системах царской и большевистской России просматривается много общих генетических черт: в царской России уже существовал некоторый «квазисоциалистический» сектор промышленности, столь же малоэффективный и пронизанный социальным патернализмом, что и в советское время. Их общность определялась характером созданной политической системы, выросшей не из гражданского общества и его экономического базиса, а, наоборот, активно формировавшей экономическую систему по своему образу и подобию. Однако если в царской России с трудом, но вызревала многоукладная система экономики, то при

советском режиме прежняя ресурсная монополия чудовищно разрасталась, обретая тотальную форму.

Громадные пространственные и ресурсные резервы, оказавшиеся в распоряжении советского государства позволяли существенно видоизменять порядок и формы экономической деятельности. Парадигма абсолютно управляемой «плановой» экономики не могла не выразиться в относительно простых, примитивных методах оценки и измерения экономического прогресса. Чисто количественному измерению экстенсивно расширяющейся ресурсно-физической базы нового режима способствовала идеология «осажденной крепости», находящейся в антагонистических взаимоотношениях с внешним миром. В результате экономика стала оцениваться в значительной мере в категориях грядущего мирового конфликта, в военно-мобилизационном духе. Это требовало строгой инвентаризации всего ресурсного потенциала страны, реализации программ по развитию экспортозамещающих производств, «завоеванию технико-экономической независимости» страны.

В свою очередь образование на одной шестой части света все менее зависимой от внешнего мира «коммунистической крепости», обеспеченной мощными компенсаторными резервами неисчерпаемой ресурсной базы, сообщали правящему режиму невиданные прежде в истории возможности произвольного социального «конструирования». Очевидно не удалось бы построить «социализм в отдельно взятой стране», если бы эта страна не обладала огромной и разнообразной территорией, где представлены почти все природные условия и почти все мыслимые ресурсы. То, что коммунистический режим утвердился на территории страны, геополитически составлявшей уже «большое экономическое пространство», обеспечивало возможность замкнутого самодовлеющего политического развития. Более того, сама политическая и идеологическая доктрина режима таила в себе глубокие противоречия: консервативный в своей сущности социально-политический строй должен демонстрировать внешнему миру невиданные прежде темпы экономического прогресса, а это могло достигаться только за счет внешнего динамизма системы (в противовес глубине экономического действия), новых «побед над пространством и временем».

Надо сказать, что в критические периоды существования советского государства ему удавалось мобилизовать гигантские природные ресурсы разных районов для защиты национальных интересов и вместе с тем оказать заметное влияние на мировую политику. Особенно рельефно это

проявилось в годы второй мировой войны и последовавшей за ней «холодной» войны. В суровом и ответственном для судьбы СССР, да и всей антигитлеровской коалиции 1942 г. Сибирь дала около трети общесоюзного производства чугуна, свыше четверти стали и проката, почти половину кокса и треть марганца, а вместе с Уралом почти полный объем этой ценнейшей продукции.

В условиях «холодной войны», когда СССР добивался стратегического паритета в противоборстве с США, советская экономика, работавшая с большим напряжением, значительную часть ресурсов черпала из восточных регионов. Резко интенсифицировалась добыча руд черных и цветных металлов, особенно редкоземельных, широкое распространение получили энергоемкие и химические производства, развернулась крупномасштабная добыча алмазов, что сыграло важную роль в увеличении валютных поступлений. Еще большее значение имели в этом плане поставки за рубеж сибирской нефти и газа. Огромные природные ресурсы восточных районов оказали существенное влияние на выработку внешней политики, что особенно рельефно проявилось во время мирового энергетического кризиса начала семидесятых годов, событий вокруг Персидского залива и, конечно же, в связи с гигантскими поставками сибирского газа в Европу.

Вливание огромного количества сырья в экономику обеспечивало ее рост и увеличение занятости, гарантировало относительное благосостояние народного хозяйства и позволяло аккумулировать иностранную валюту от экспорта ресурсов прежде всего энергетических. Только за 10 лет (1974-1984 гг.) экспорт нефти и продуктов ее переработки дал стране около 200 млрд. инвалютных рублей, что на некоторое время компенсировало низкую эффективность общественного производства, отодвинуло на 10-15 лет неминуемый кризис. Короче, природные ресурсы восточных районов долгое время играли компенсаторную роль, помогали снимать напряжение внутри страны, подкармливать «социалистические» режимы в Восточной Европе, Азии и даже в Африке, Латинской Америке, а в конечном счете мир держался на грани войны.

Следовательно, особенности такого политического режима фокусировались в создании модели экономики, рассчитанной исключительно на все возрастающие масштабы и темпы ресурсной эксплуатации территорий, а конкретная государственная политика, обеспечивавшая такое экстенсивное развитие, не могла не принимать архаичной имперской формы, на этот раз инструментально хорошо вооруженной соответ-

ствующими времени технологиями.

Политико-экономическая сущность имперской формы господства, как известно, содержит в себе один очень важный отличительный признак — тотальную ресурсно-перераспределительную роль политического центра, или метрополии. Ресурсы отдельных территорий изымаются в «общегосударственных целях», концентрируются в распоряжении верховной власти, и затем направляются на реализацию самодовлеющих государственных интересов и — частично — возвращаются территориям на достаточно произвольных основаниях, определяемых исключительно интересами укрепления господствующей позиции центра. Имперская модель, как правило, исключает сколько-нибудь значительное использование экономических ресурсов на местах, а тем более — развитие горизонтальных связей между территориями, которые объективно бы умалали значение общегосударственного центра, всей иерархически организованной системы господства.

Это непосредственно определяло принципы экономического районирования страны, и ее политико-административного деления. В советский период, особенно в результате предпринятой Сталиным в начале 1930-х гг. политико-административной реформы, фактически и произошло рождение имперской системы эксплуатации территорий. Крупные регионы (Уральская область, Сибирский край и др.), в рамках которых только и могли возникнуть целостные региональные хозяйственные системы, были разукрупнены, и в дальнейшем мелкий (областной) масштаб территорий, как никакой другой, соответствовал целям изъятия ресурсов, но исключал их самостоятельную крупномасштабную экономическую деятельность. По линиям взаимодействия регионов с центром возникли мощные ведомственные «сатрапии» как каналы изъятия и перераспределения ресурсов.

В начале 80-х гг. СССР занимал практически первое место в мире по добыче алмазов. Причем 4/5 из них обеспечивала Якутия. Распоряжалась ими, конечно, Москва, которая получала за них на мировом рынке ежегодно от 500 млн. до 1 млрд. долларов. Советский Союз являлся также одним из крупнейших в мире производителем и экспортером платины. 3/4 этой продукции получалось на Норильском горнометаллургическом комбинате в Эвенкии, но она не имела никакого отношения к распределению этой продукции. В то же время советское правительство продавало золота за рубеж в среднем на 3-4 млрд. долларов в год. 2/3 его добывалось в Якутии. Доходы от продажи ценнейших ресурсов одной

Сибири покрывали 4/5 потребностей советского импорта, а сама она мало что получала для своего социального прогресса.

Сложившуюся систему распоряжения природными ресурсами восточных районов России не смогли поколебать провозглашавшиеся на всем протяжении советского периода региональные программы (Урало-Кузбасс, Ангаро-Енисейская, БАМ и др.), поскольку они преодолевали лишь наиболее вопиющие нерациональные черты общего экономического порядка вещей (сверхдальние перевозки гигантских объемов сырья и топлива), а их интеграционный эффект реально выразился лишь в создании отраслей первичного уровня обработки сырья (металлы, электроэнергия и др.). Поэтому сколь бы внушительным ни был абсолютный рост экономического потенциала восточных регионов России, их доля в народном хозяйстве страны изменялась сравнительно медленно. Эта инерция ярче всего проявлялась в сохранении разительного контраста между сосредоточением перерабатывающих мощностей в Европейской России, а ресурсов сырья и энергии на Востоке. Имперское экономическое пространство оказалось таковым, что ни в одном регионе России сегодня не наблюдается признаков сложившегося сбалансированного экономического комплекса. Фрагментация единого экономического пространства привела к тому, что большинство регионов стало представлять собой нежизнеспособные части с обнаженными экономическими «нервами», что обостряет и без того сложную обстановку в нынешней России.

Таким образом, в связи с огромными пространствами России и исключительными богатствами ее недр, особенно в восточных районах, значительная часть ее истории связана с колонизацией новых территорий и освоением их природных ресурсов. Именно этот фактор является одной из основ ее могущества, а вместе с тем и хронических экономических неурядиц. Имея слишком много, русские не всегда по-хозяйски относились к своим богатствам, растрачивая их не на создание прочного экономического фундамента общества, а нередко на неоправданную роскошь правящей элиты и имперские амбиции как внутри страны, так и за ее пределами. До последней четверти XX века эти богатства компенсировали недостаточно эффективный хозяйственный механизм. Теперь очевидно, что без решительного совершенствования этого механизма на базе самых современных технологий Россия не сможет выйти из того тяжелого кризиса, в котором она оказалась на пороге третьего тысячелетия.